ЗМІСТ

Шпион и предатель. Самая громкая шпионская история времен холодной войны

Подивитись анотацію та купити на **jurkniga.ua**

Анотація

Олег Гордиевский казался идеальным продуктом системы — его отец работал в НКВД, брат стал нелегалом-разведчиком КГБ, сам он получил элитарное образование в МГИМО, поступил на службу в Первое главное управление, получил звание полковника КГБ. Однако больше десяти лет он работал на МИ-6 и стал одним из ключевых агентов британской разведки, сыгравшим немалую роль в истории холодной войны. По его словам, делал он это исключительно из идейных соображений.

В книге «Шпион и предатель», основанной в числе прочего на интервью с Гордиевским, британский писатель и историк Бен Макинтайр пытается разобраться, что заставило этого человека, столь глубоко укорененного в системе, восстать против нее.

Бен МАКИНТАЙР

ШПИОН И ПРЕДАТЕЛЬ

САМАЯ ГРОМКАЯ ШПИОНСКАЯ ИСТОРИЯ ВРЕМЕН ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Издательский дом
«С В А Р О Г»
Киев – 2023

УДК 355.40(092)
М 15

Ben MacIntyre

THE SPY AND THE TRAITOR
The Greatest Espionage Story of the Cold War

Макинтайр, Бен
М 15 Шпион и предатель. Самая громкая шпионская история времен холодной войны / Бен Макинтайр. — Киев: Изд. дом «СВАРОГ», 2023. — 580 с.

ISBN 978-966-370-770-9

Олег Гордиевский казался идеальным продуктом системы — его отец работал в НКВД, брат стал нелегалом-разведчиком КГБ, сам он получил элитарное образование в МГИМО, поступил на службу в Первое главное управление, получил звание полковника КГБ. Однако больше десяти лет он работал на МИ-6 и стал одним из ключевых агентов британской разведки, сыгравшим немалую роль в истории холодной войны. По его словам, делал он это исключительно из идейных соображений. В книге «Шпион и предатель», основанной в числе прочего на интервью с Гордиевским, британский писатель и историк Бен Макинтайр пытается разобраться, что заставило этого человека, столь глубоко укорененного в системе, восстать против нее.

ISBN 978-966-370-770-9 УДК 355.40(092)

Copyright © Ben Macintyre, 2018, 2023.

Введение

18 мая 1985 года

Для сотрудников управления контрразведки КГБ — Управления «К» — это была самая обычная работа по установке «жучков».

Меньше минуты ушло у них на то, чтобы открыть замки на входной двери квартиры на восьмом этаже жилого дома для сотрудников КГБ и их семей по адресу Ленинский проспект, 103. Пока двое в перчатках и комбинезонах проводили методичный обыск квартиры, два техника быстро и незаметно опутывали помещения проводами, внедряли прослушивающие устройства под обои и плинтусы, вживляли включенные микрофоны в телефонную трубку, а видеокамеры — в светильники в гостиной, спальне и кухне. Примерно через час, когда они закончили работу, в квартире не осталось буквально ни одного уголка, где бы у КГБ не выросли глаза и уши. Наконец, эти люди надели маски и распылили на одежду и обувь в шкафу радиоактивную пыль — в достаточно низкой концентрации, чтобы не произошло отравления, однако в такой дозе, чтобы кагэбэшные счетчики Гейгера могли проследить за передвижениями человека, который наденет эту одежду или обувь. Уходя, чужаки аккуратно заперли за собой входную дверь.

Несколько часов спустя рейсом «Аэрофлота» из Лондона в московский аэропорт прибыл старший сотрудник русской разведки.

Карьера полковника КГБ Олега Антоновича Гордиевского переживала расцвет. Виртуоз советской разведслужбы, он не-

устанно поднимался по карьерной лестнице, успел послужить в Скандинавии, Москве и Британии, и упрекнуть его было практически не в чем. Теперь, в сорок шесть лет, он сделался исполняющим обязанности главы лондонской резидентуры. Это было лакомое назначение, и Гордиевского пригласили в Москву, чтобы его официально ввел в должность председатель КГБ. Профессиональный разведчик Гордиевский имел все данные для того, чтобы подняться в самые высшие эшелоны этой обширной и беспощадной секретной организации, которая контролировала весь Советский Союз.

Приземистый, атлетически сложенный кагэбэшник уверенным шагом шел сквозь толпу в зале аэропорта. Но внутри него тихо клокотал ужас. Потому что Олег Гордиевский, ветеран КГБ, верный сотрудник советский разведки, был британским шпионом.

Завербованный больше десяти лет назад МИ-6 — британской секретной службой внешней разведки, — агент под кодовым именем Ноктон оказался одним из самых ценных шпионов в истории. Огромное количество информации, которой он снабжал своих британских кураторов, помогло изменить ход холодной войны, взломать советские шпионские сети, предотвратить ядерную войну, а еще в чрезвычайно опасный для мировой политики период предоставило Западу уникальную возможность проникнуть в мыслительные процессы, происходившие в Кремле. И Рональду Рейгану, и Маргарет Тэтчер докладывали об исключительно ценных секретных данных, источником которых был русский шпион, но ни американский президент, ни премьер-министр Великобритании не знали его подлинного имени и должности. О двойной жизни Гордиевского не подозревала даже его молодая жена.

Назначение Гордиевского резидентом (так по-русски на

профессиональном жаргоне называли главу заграничного органа внешней разведки — резидентуры) вызвало ликование в тесном кругу сотрудников МИ-6, посвященных в подробности дела. Еще бы: ведь теперь Гордиевский, сделавшись самым высокопоставленным оперативником советской разведки в Британии, получит доступ к самым потаенным шпионским секретам СССР и сможет информировать Запад о намерениях КГБ еще до того, как тот воплотит их в жизнь. Таким образом, деятельность КГБ в Британии удастся парализовать. И все же внезапный вызов в Москву несколько встревожил команду Ноктона. Кое-кому показалось, что это ловушка. На явочной квартире в Лондоне была спешно устроена встреча, и кураторы из МИ-6 предложили Гордиевскому дезертировать — и остаться в Британии вместе с семьей. Все, кто присутствовал на том собрании, понимали, насколько высоки ставки: если Гордиевский вернется в Лондон официальным резидентом КГБ, тогда, конечно, и МИ-6, и ЦРУ, и их западные союзники сорвут огромный куш, но если Гордиевский угодит сейчас в западню, то лишится всего — и жизни тоже. Он долго и напряженно думал, а потом решился: «Я поеду».

Тогда сотрудники МИ-6 снова обратились к плану аварийного спасения Гордиевского, носившему кодовое название «Пимлико» и разработанному семью годами раньше, — в надежде, что выполнять его никогда не придется. МИ-6 еще никогда никого не вывозила тайком из СССР — а тут речь шла не о простом перебежчике, а о видном кагэбэшнике! План эксфильтрации, тщательно продуманный и сопряженный с большим риском, предполагалось задействовать лишь в самом крайнем случае.

Гордиевский прошел такую выучку, что способен был сразу заметить опасность. Проходя по залу московского аэропорта с напряженными до предела нервами, он видел при-

знаки опасности повсюду. Пограничник, прежде чем пропустить его, томительно долго разглядывал его паспорт. И где же сотрудник, который должен был хотя бы из обычной вежливости встречать его — полковника КГБ, вернувшегося из заграничной командировки? В аэропорту всегда велся усиленный надзор, однако сегодня здесь все буквально кишело невзрачными людьми, явно ничем не занятыми. Гордиевский сел в такси и мысленно сказал себе, что, если бы в КГБ знали правду, его бы арестовали сразу же, как только он ступил на советскую землю, и прямо сейчас везли бы в застенки КГБ, где его ждали бы допросы и пытки, а потом — расстрел.

Насколько он мог заметить, хвоста за ним не было. Доехав до своего дома на Ленинском проспекте, он вошел в лифт и нажал на кнопку восьмого этажа. В последний раз он был в своей московской квартире в январе.

Он легко отпер первый замок в двери, потом — второй. Но входная дверь почему-то не открывалась. Она оказалась заперта на третий замок — старомодный засов, относившийся ко времени постройки старой многоэтажки.

Но Гордиевский никогда не пользовался третьим замком. У него даже ключа от него не было. А значит, в квартире побывал кто-то, вооруженный отмычкой, — и потом по рассеянности запер дверь на все три замка. И этот кто-то приходил из КГБ.

Страхи, пережитые за последнюю неделю, вмиг вернулись. Гордиевского сковал ужас: с леденящей, парализующей ясностью он понял, что в его квартиру проникали чужаки, что ее обыскали и, скорее всего, напичкали подслушивающей аппаратурой. Значит, он под подозрением. Кто-то его выдал. КГБ следит за ним. За ним, шпионом, шпионили его коллеги-шпионы.

Часть первая

Глава 1

КГБ

Олег Гордиевский родился внутри КГБ. КГБ его выпестовал, обласкал, вывихнул, искалечил и едва не уничтожил. Советская разведслужба глубоко вошла в его сердце, была растворена в его крови. Его отец всю жизнь работал на разведку и каждый день, включая выходные, носил кагэбэшную форму. Гордиевские жили среди собратьев-шпионов, в доме, населенном одними кагэбэшниками, ели особую еду, какую выдавали офицерам КГБ, и в свободное от работы время общались тоже с семьями других разведчиков. Словом, Гордиевский был сыном КГБ.

КГБ — Комитет государственной безопасности — был самым сложным и самым разветвленным разведывательным ведомством, какое когда-либо существовало. Прямой наследник созданной Сталиным шпионской сети, он занимался сбором одновременно и внутренних, и внешних разведданных, обеспечивая внутреннюю безопасность и играя роль государственной полиции. Деспотичный, загадочный и вездесущий, КГБ проникал во все измерения советской жизни и контролировал их. Он искоренял несогласие среди граждан страны, охранял руководство коммунистической партии, проводил разведывательные и контрразведывательные операции против враждебных государств и запугивал народы СССР, держа их в унизительно подчиненном положении. Он вербовал агентов и внедрял шпионов по всему миру, добывал, покупал и выкрадывал военные, политические и научные секреты

везде и повсюду. В пору своей наивысшей мощи, насчитывая более миллиона сотрудников, агентов и осведомителей, КГБ влиял на советское общество гораздо глубже, чем какие-либо другие учреждения.

Для Запада эта аббревиатура была синонимом внутреннего террора и внешней агрессии и подрывной деятельности, сокращенным наименованием всей жестокости тоталитарной системы, сосредоточенной в руках безликой официальной мафии. Совсем иначе относились к КГБ те, кто жил под его неусыпным присмотром.

Конечно, он внушал страх и повиновение, но он вызывал и восхищение — как своего рода преторианская гвардия, как оплот против западного империализма и капиталистической агрессии, как страж коммунизма. Принадлежность к этой элитарной и привилегированной силе была предметом поклонения и гордости. Те, кто поступал служить в органы госбезопасности, оставались там пожизненно. «Бывших сотрудников КГБ не бывает»[1], — сказал однажды бывший сотрудник КГБ Владимир Путин. Это был клуб для избранных, войти в него было очень трудно, а выйти — невозможно. Вступление в ряды КГБ считалось честью и долгом для тех, кто был наделен особыми талантами и честолюбием.

Олег Гордиевский никогда всерьез не задумывался ни о какой другой карьере.

Его отец, Антон Лаврентьевич Гордиевский, сын рабочего-железнодорожника, был учителем, а после 1917 года сделался убежденным коммунистом, беспрекословно преданным идеям революции и готовым непреклонно воплощать их в жизнь. «Партия была для него богом», — напишет о нем позже сын. Старший Гордиевский ни разу не дрогнул в своей верности партийному делу — даже когда партия потребовала

от него участия в чудовищных преступлениях. В 1932 году он помогал принудительно «советизировать» Казахстан, организуя экспроприацию у крестьян продовольствия, которое отбирали, чтобы кормить Красную армию и советские города. В итоге разразился массовый голод, от которого погибло около полутора миллионов человек. Антон Гордиевский вблизи видел ужасы голодомора, искусственно устроенного государством. В том же году он поступил на службу госбезопасности, а затем в НКВД — Народный комиссариат внутренних дел, тайную полицию Сталина и предтечу КГБ. Как сотрудник политического отдела, он отвечал за политическую дисциплину и идеологический инструктаж. Антон женился на 24-летней Ольге Николаевне Горновой, работавшей статистиком, и супруги вселились в московский многоэтажный дом, отведенный для семей разведывательной элиты. В 1932 году у них родился первенец — Василий. При Сталине Гордиевские благоденствовали.

Когда товарищ Сталин объявил, что революции угрожает смертельная опасность изнутри, Антон Гордиевский оказался готов к борьбе с изменниками родины. Большая чистка 1936–1938 годов обернулась массовым уничтожением «врагов государства» — мнимых представителей «пятой колонны» и тайных троцкистов, террористов и саботажников, шпионов-контрреволюционеров. Это были партийные и правительственные чиновники, крестьяне, евреи, учителя, военачальники, интеллигенты, поляки, красноармейцы и многие другие. Большинство схваченных людей были совершенно невиновны. В созданном Сталиным параноидальном полицейском государстве самым надежным способом уцелеть стало доносительство. «Лучше пусть пострадают десять невинных людей, чем один шпион ускользнет от расплаты[2], — сказал как-то глава НКВД Николай Ежов. — Лес рубят —

щепки летят». Осведомители стучали, истязатели и палачи вершили свое дело, а сибирские лагеря заполнялись до отказа. Но, как бывает после всякой революции, исполнители государственной воли тоже неизбежно попадали под подозрение. Следствия и чистки начались внутри самого НКВД. В разгар террора многоэтажный дом, где жила семья Гордиевских, в течение полугода подвергался обыскам больше десяти раз. Аресты происходили по ночам: первым уводили главу семьи, потом исчезали остальные.

Вполне возможно, что некоторых из этих «врагов государства» помогал выявлять Антон Гордиевский. «НКВД всегда прав», — говорил он, и это суждение было одновременно и совершенно разумным, и полностью ошибочным.

Второй сын, Олег Антонович Гордиевский, родился 10 октября 1938 года, когда большой террор начинал понемногу утихать и уже нависало предчувствие войны. В глазах друзей и соседей Гордиевские были идеальными советскими гражданами: идейно чистые, преданные партии и государству, а теперь еще и родители двух крепких сыновей. Через семь лет после Олега родилась дочь Марина. Гордиевские были сытыми, привилегированными и надежными людьми.

Но при ближайшем рассмотрении можно было бы заметить и трещинки в фасаде их семейного здания, и наслоения обмана, скрытые под гладкой поверхностью. Антон Гордиевский никогда не говорил о том, что он делал в годы массового голода, молчал о чистках и о терроре. Старший Гордиевский был наглядным образцом вида *Homo sovieticus* — покорного слуги государства, сформировавшегося под воздействием коммунистических репрессий. Но где-то в глубине его души засел ужас, и, возможно, его мучило чувство вины. Позднее Олег назовет своего отца «напуганным человеком».

Ольга Гордиевская, мать Олега, была менее податлива.

Она никогда не вступала в партию и не верила в непогрешимость НКВД. У ее отца коммунисты отобрали водяную мельницу, ее брата сослали в сибирские лагеря за то, что он ругал колхозы, и многие ее друзья пропали, став жертвами ночных арестов. В ней брал верх врожденный крестьянский здравый смысл, она чутьем понимала непредсказуемость и мстительность государственного террора, но держала рот на замке.

Олег и Василий, который был старше брата на шесть лет, росли в военное время. Одним из самых ранних воспоминаний Гордиевского стали шеренги оборванных немецких пленных, которых вели по улицам Москвы «под охраной, загнанных, как скотину». Антона подолгу не было дома — он проводил в армейских частях партийно- идеологическую работу.

Олег Гордиевский прилежно овладевал азами коммунистического учения. Он пошел в школу № 130 и рано проявил склонность к истории и языкам. Он знакомился с судьбами героев-коммунистов — и отечественных, и зарубежных. Несмотря на плотную завесу дезинформации, окутывавшую Запад, его очень привлекали чужие страны. В шестилетнем возрасте он начал читать пропагандистский еженедельник *British Ally* — «Британский союзник», который выпускало на русском языке британское посольство, чтобы способствовать взаимопониманию между СССР и Великобританией. В школе Олег учил немецкий язык. Как и полагалось всем подросткам, он вступил в комсомол.

Его отец приносил домой три официальных газеты и сам фонтанировал той коммунистической пропагандой, которая там печаталась. НКВД со временем превратился в КГБ, и Антон Гордиевский продолжал верно служить в переименованном ведомстве. Мать Олега оказывала тихое сопротивление, которое лишь изредка прорывалось наружу короткими желчными замечаниями, бросавшимися в сторону. При советской

власти религия оказалась вне закона, и мальчиков воспитывали атеистами, но бабушка со стороны матери умудрилась тайно крестить Василия в Русской православной церкви. Она крестила бы и Олега, если бы ей не помешал Антон, который случайно обо всем узнал и ужаснулся.

Олег Гордиевский рос в сплоченной, любящей семье, проникнутой двуличием. Антон Гордиевский свято чтил партию и провозглашал себя бесстрашным поборником коммунизма, но в душе оставался маленьким и насмерть перепуганным человеком, которому довелось стать свидетелем ужасных событий. Ольга Гордиевская, идеальная жена кагэбешника, скрывала презрение и неприязнь к советскому строю. Бабушка Олега тайно поклонялась незаконному, запрещенному властью Богу. Никто из взрослых в семье не открывал своих истинных чувств — ни друг другу, ни кому-либо еще. В удушливо конформистской атмосфере сталинской России можно было втайне вынашивать инакомыслие, но говорить об этом начистоту было слишком опасно — даже в семейном кругу. с раннего детства Олег видел, что вполне можно вести двойную жизнь — любить своих близких и одновременно скрывать от них свое истинное «я», представляться внешне одним человеком, а внутри оставаться совсем другим.

Олег Гордиевский окончил школу с серебряной медалью. Он был комсомольским вожаком, сведущим, умным, спортивным, не задающим лишних вопросов и ничем не примечательным юношей — типичным продуктом советской системы. Но еще он научился отделять главное от всего остального и раскладывать все по полочкам. Его отец, мать и бабушка были людьми скрытными и умели маскироваться — каждый на свой лад. Юный Гордиевский вырос среди секретов.

В 1953 году умер Сталин. Через три года, на XX съезде

партии, его преемник Никита Хрущев разоблачил злодеяния тирана. Для Антона Гордиевского это стало большим ударом. По мнению его сына, официальное осуждение Сталина «в значительной степени подорвало идейные и философские основы его жизни». Гордиевскому-старшему не понравилось, в какую сторону стала меняться Россия. Гордиевский- младший, напротив, перемены оценил.

Хрущевская оттепель оказалась короткой и неполной, и все же в этот период подлинной либерализации произошло ослабление цензуры, вышли на свободу тысячи политзаключенных. От вольного духа того времени закружилась голова у всех русских, кто был молод и полон надежд.

В 17 лет Олег поступил в престижный Московский государственный институт международных отношений (МГИМО).

Там, опьяненный новой атмосферой, он вступал со сверстниками в серьезные дискуссии о том, как строить «социализм с человеческим лицом». Порой он заходил чересчур далеко. Похоже, он глубоко впитал материнский нонконформизм. Однажды он сочинил наивную речь о защите свободы и демократии, хотя едва ли понимал по-настоящему смысл этих слов. Олег записал ее на пленку в лингафонном кабинете и дал послушать нескольким студентам. Те пришли в ужас. «Уничтожь это сейчас же, Олег, и никогда больше не упоминай о таких вещах». Тогда он тоже внезапно испугался и подумал: а вдруг кто-то из однокурсников уже настучал властям о его «радикальных» взглядах? Ведь у КГБ имелись внутри института свои осведомители.

Пределы хрущевского реформаторства были жестко продемонстрированы в 1956 году, когда советские танки въехали в Венгрию, чтобы подавить восстание против местного про-

советского режима, вспыхнувшее по всей стране. Несмотря на тотальную советскую цензуру и пропаганду, новости о крахе мятежа просачивались в СССР. «Все тепло куда-то сдуло, — вспоминал потом Олег тогдашнее закручивание гаек. — Опять пришла стужа».

Московский государственный институт международных отношений был самым престижным в СССР высшим учебным заведением — Генри Киссинджер называл его «русским Гарвардом»[3]. Подчинявшийся Министерству иностранных дел институт был масштабным учебным полигоном для будущих дипломатов, ученых, экономистов, политиков — и шпионов. Гордиевский изучал историю, географию, экономику и международные отношения, причем все это — сквозь искажающую призму коммунистической идеологии. Обучение в институте велось на пятидесяти шести языках — такого не было больше ни в одном университете мира. Владение языками прокладывало верную дорогу в КГБ и сулило зарубежные поездки, которые так манили Олега. Уже хорошо зная немецкий язык, он записался на английский, но группы оказались переполнены. «Учи шведский, — посоветовал ему старший брат, уже служивший в КГБ. — Это ключ от всей Скандинавии». Гордиевский внял его совету. В институтской библиотеке имелись некоторые иностранные газеты и журналы, которые, пускай и проходили жесткую цензуру, все же позволяли хоть мельком ознакомиться с происходящим в мире. Их- то Гордиевский и начал читать, стараясь делать это незаметно, потому что проявление чрезмерного интереса к Западу само по себе давало повод для подозрений. По ночам он иногда тайком слушал зарубежное вещание *BBC* или «Голос Америки», силясь что-то разобрать за радиопомехами (глушилки были одной из форм советской цензуры), и пытался напасть на «первые слабые следы правды».

Как это свойственно всем людям, в позднейшие годы Гордиевский смотрел на собственное прошлое сквозь призму обретенного опыта, и потому ему представлялось, будто он всегда втайне вынашивал семена неповиновения, будто его судьба была изначально заложена в его характере. Это было не так. В студенческие годы он был убежденным коммунистом и мечтал, по примеру отца и брата, служить Советскому государству в КГБ. Венгерское восстание сильно подействовало на его юношеское воображение, но революционером он от этого не сделался.

«Я оставался внутри системы, но разочарование во мне росло». В этом он мало чем отличался от множества тогдашних студентов.

В 19 лет Гордиевский занялся бегом по пересеченной местности. Что-то в этом одиночном виде спорта притягивало его — особый ритм длительных физических усилий, возможность посоревноваться с самим собой вдали от чужих взглядов, испытать пределы собственной выносливости. Олег бывал и общительным, нравился девушкам и сам умел флиртовать. Он был хорош собой: открытое лицо с довольно мягкими чертами, зачесанные назад волосы. В минуты покоя выражение его лица приобретало суровость, но когда в глазах загорался мрачный юмор, все лицо вдруг оживало. с друзьями Олег держался вполне по-компанейски, и все же чувствовалась в нем какая- то скрытность. Он не был одиночкой или нелюдимом, но любил побыть в одиночестве. Он редко обнаруживал свои чувства. Одержимый тягой к самосовершенствованию, Олег считал, что бег по пересеченной местности помогает «вырабатывать характер». И бегал часами по московским улицам и паркам — наедине со своими мыслями.

Среди немногих студентов, с которыми он по-настоящему сблизился, был Станислав Каплан, его товарищ по бегу

из институтской легкоатлетической команды. Станда Каплан был чехом и уже успел поучиться в Карловом университете в Праге. В МГИМО он приехал в составе группы из нескольких сотен одаренных студентов из социалистического лагеря. Спустя много лет Гордиевский писал про Каплана, что, как и у других молодых людей из стран, лишь недавно впряженных в коммунистическое ярмо, «личность в нем не была задавлена». Станислав был на год старше Олега и учился на военного переводчика. Юношей сблизила общность многих склонностей и идей.

«Он свободно мыслил и весьма скептически относился к коммунизму», — писал Гордиевский, которого в те годы способность Каплана открыто высказывать свои мнения и восхищала, и немного настораживала. Станда, смуглый красавец, притягивал женщин, как магнит. Они с Олегом крепко подружились, вместе бегали, вместе ухаживали за девушками и вместе ходили в чешский ресторан недалеко от Парка имени Горького.

Не менее важное влияние оказывал на Олега его обожаемый старший брат Василий, который в ту пору готовился стать нелегалом и примкнуть к огромной рассредоточенной армии негласных агентов нелегальной разведки, каких Советский Союз внедрял по всему миру.

КГБ держал в других странах шпионов двух видов. Первые работали под официальным прикрытием — сотрудниками советских дипломатических или консульских учреждений, культурными или военными атташе, аккредитованными журналистами или торговыми представителями. Дипломатическое прикрытие означало, что этих «легальных» разведчиков нельзя было преследовать за шпионаж, если вдруг их деятельность обнаруживалась. Такого человека можно было только объявить персоной нон грата и выслать из страны. Не-

легал же не имел никакого официального статуса, обычно он въезжал в ту страну, куда его заслали, под подложным именем с фальшивыми документами — а затем просто сливался с местной средой. (На Западе для засекреченных оперативников существует аббревиатура *NOC,* расшифровывающаяся как *non-official cover,* «без официального прикрытия».) КГБ внедрял нелегалов по всему миру, где они притворялись самыми обыкновенными гражданами, залегали на дно и втихаря вели подрывную деятельность. Как и легальные разведчики, они собирали информацию, вербовали агентов и занимались различными видами шпионажа. Иногда им отводилась роль «спящих» разведчиков — то есть они подолгу сидели без дела, ожидая момента, когда их задействуют. К ним относилась и потенциальная «пятая колонна», готовая вступить в бой, если вдруг разразится война между Востоком и Западом. Нелегалы находились вне поля действия официального радара и потому не получали такого финансирования, которое оставляло бы заметные следы, и ни с кем не общались по надежным дипломатическим каналам. Зато, в отличие от шпионов, аккредитованных при посольствах, они не оставляли таких следов, по которым их могла бы выследить контрразведка противника. При каждом советском посольстве КГБ имел свою постоянную резидентуру, то есть ряд сотрудников КГБ облекался различными официальными личинами, и все они подчинялись резиденту (начальнику резидентуры, как выражались в МИ-6, или руководителю, как предпочитали говорить в ЦРУ). Одна из задач, стоявших перед западной контрразведкой, заключалась в том, чтобы выяснить: кто из советских чиновников — настоящий дипломат, а кто — тайный шпион. Выявлять нелегалов было гораздо труднее.

Первое главное управление (ПГУ) было подразделением КГБ, отвечавшим за внешнюю разведку. Внутри него име-

Содержание

Введение 3

Часть первая

Глава 1
КГБ 8

Глава 2
Дядюшка Гормссон 35

Глава 3
Солнечный Лучик 60

Глава 4
Зеленые чернила и микропленки 88

Глава 5
Полиэтиленовая сумка и батончик Mars 125

Глава 6
Агент Бут 158

Часть вторая

Глава 7
Явочная квартира 181

Глава 8
Операция «РЯН» 209

Глава 9
Коба 237

Глава 10
Мистер Коллинз и миссис Тэтчер 259

Глава 11
Русская рулетка 296

Часть третья

Глава 12
Игра в кошки-мышки 331
Глава 13
«Проверщик» 367
Глава 14
Пятница, 19 июля 403
Глава 15
«Финляндия» 437

Эпилог

Глава 16
Паспорт для Пимлико 466

Кодовые имена и прозвища 495
Благодарности 497
Избранная библиография 499
Иллюстрации 503
Примечания 568

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Бен МАКИНТАЙР

ШПИОН И ПРЕДАТЕЛЬ

САМАЯ ГРОМКАЯ ШПИОНСКАЯ ИСТОРИЯ ВРЕМЕН ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

(Російською мовою)

Підписано до друку 13.03.2023 р. Формат 60х84 1/16.
Друк цифровий. Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman.
Ум. друк. арк. 36,25. Тираж 300 прим.

Видавничий дім « С В А Р О Г »
вулиця Гната Юри, 9
м. Київ 02105

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до державного реєстру видавців, виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції
ДК № 2581 від 10.08.2006 р.

Книги, які можуть вас зацікавити

Асы шпионажа. Закулисная история израильской разведки

Самурай без меча. Перемагай не силою зброї, а силою розуму

ФБР. Правдивая история

Система ФБР. Кодекс досконалості наймогутнішого відомства США

Закони України “Про службу безпеки України”, "Про контррозвідувальну діяльність", "Про державну таємницю", "Про боротьбу з тероризмом",...

Кримінальний процесуальний кодекс України. Алерта

Перейти до галузі права
Військове право

ЮРКНИГА
від теорії до практики

Перейти на сайт →